

Чайник в руке Хуа Тинсюаня издал тихий треск, и по его поверхности мгновенно разбежалась сеть трещин, однако никто не обратил внимания на эту мелкую деталь. Е Байлу в изумлении воскликнула:

— Откуда ты знаешь имя младшей сестры?

Хуа Тинсюань тоже резко уставился на Чу Даньфэна, даже забыв починить чайник, из которого капля за каплей на землю сочилась вода.

Чу Даньфэн мысленно выругался: «Черт, сболтнул лишнего!»

Пока Чу Даньфэн лихорадочно соображал, как это объяснить, Е Байлу сама себе с легким пониманием ответила:

— Наверное, Хуан Чантянь рассказал? Неудивительно, что я сегодня утром столкнулась с вами, когда вы о чем-то шептались. С каких это пор вы стали так близки?

Чу Даньфэн мысленно с облегчением выдохнул и невнятно ответил:

— Мы же все соученики. У третьего старшего брата очень острый слух.

Е Байлу уже собиралась что-то добавить, но Чу Даньфэн поспешно сменил тему:

— Интересно, кому на этот раз поручат заботиться о младшей сестре? Как раз Тинсюань у нас совсем один, ему даже поиграть не с кем...

Разумеется, не успел он договорить, как Е Байлу широко раскрыла миндалевидные глаза и сильно ущипнула Чу Даньфэна за щеку:

— Мелкий паршивец, совсем от рук отбился? Над старшей сестрой вздумал подшучивать!

После этого она испарилась, подняв бурю, словно порыв ветра.

Чу Даньфэн скривился и принялся растирать щеку. Глядя ей вслед, он не удержался от улыбки: побежала бороться за право опеки. И надо же, почему старшая сестра так сильно любит детей?

Как бы то ни было, неужели главная героиня наконец-то появится!

Линь Шуэр некогда была его бывшей богиней, однако при звуках этого имени в душе Чу Даньфэна не шелохнулось ни единой струны.

В прошлой жизни он изо всех сил старался угодить Линь Шуэр, проявлял к ней всяческую заботу, но в конце концов так и не смог завоевать сердце красавицы. Более того, судя по сюжету, после его смерти Линь Шуэр отдаст добытую им ценой собственной жизни жемчужину сбора душ Хуа Тинсюаню, в которого была влюблена.

Но Чу Даньфэн вовсе не затаил на нее обиду.

Чтобы не любить кого-то, не нужны причины. Из того факта, что ты что-то отдал, вовсе не следует, что другой человек обязан ответить тебе взаимностью. Чу Даньфэн прекрасно это понимал, к тому же он выполнял задание и не вкладывал в это настоящих искренних чувств.

Впрочем, на этот раз, без вмешательства такого злодея, как он, их отношения должны

развиваться куда гладче. Познакомиться в столь юном возрасте — это поистине чистая детская дружба. Вместе вырасти из крошечных малышей в изящную девушку и стройного, красивого юношу, вместе расти и проходить через все испытания — подумать только, как это прекрасно.

Чу Даньфэн с отеческой нежностью посмотрел на Хуа Тинсюаня и с любопытством сплетника спросил:

— Не хочешь пойти взглянуть на младшую сестру?

Лицо маленького пухляка заметно помрачнело:

— Не хочу!

— Тц, — Чу Даньфэн продолжил с хрустом щелкать семечки, мысленно ворча: Ах уж эта детская ревность. После появления младшей сестры Хуа Тинсюань больше не будет самым младшим ребенком в секте.

Впрочем, его нельзя в этом винить — разве борьба за внимание не заложена в природе малышей?

«Эх, потом ты еще пожалеешь об этом. Новоприбывшая младшая сестрица — твоя будущая жена», — подумал Чу Даньфэн.

— Точно не пойдешь посмотреть? Если поторопишься, еще успеешь догнать вторую старшую сестру. Ль Шуэр только что привезли обратно, и сейчас она, должно быть, находилась в Циншаньцзю у Учителя. Дорога от пика Сюйфэн была совсем не долгой — пешком идти не больше времени, чем требуется на сгорание одной палочки благовоний.

— Ладно, раз не идёшь ты, я пойду сам, — Чу Даньфэн отряхнул с одежды шелуху от семечек и с нетерпением произнес: — По правде говоря, я еще толком и не разглядывал младшую сестрицу в детстве. В прошлой жизни ради того, чтобы самозабвенно предаваться тайной страсти к ней, Чу Даньфэн старался избегать любых встреч, пока Ль Шуэр была совсем маленькой. В конце концов, когда у тебя перед глазами запечатлелся образ человека, которому ты только что менял пеленки, проникнуться к нему романтическими чувствами становится невероятно трудно.

Иначе это было бы уже слишком извращенно.

Чу Даньфэн только поднялся, как почувствовал, что кто-то тянет его за полу одежды. Опустив взгляд, он увидел крошечный комочек: та крепко поджала губы, а ее личико помрачнело так, что с него хоть воду выжимай.

— Не смей уходить! Этот его младший соученик всегда отличался послушанием и кротостью: если старший соученик указывал на восток, он ни за что не пошел бы на запад, а если велел гнать собаку, он бы срочно бросил всех кур. В последнее время он и вовсе вел себя предельно услужливо и раболепно: о чем бы Чу Даньфэн ни попросил, он всегда радостно и безропотно соглашался. Но сейчас он впервые заговорил столь жестким тоном. Вокруг маленького комочка тепла царило давящее напряжение, словно перед началом мощной бури.

Однако Чу Даньфэн ни капли не испугалась угроз этого сопляка — напротив, его слова ее

позабавили:

— Что такое? Я иду навестить младшую соученицу, а ты ревнуешь?

Хуа Тинсюань опустил взгляд и поджал губы.

Ревнует. Ревнует так, что это невыносимо терпеть, ревнует до желания вырвать сорняк с корнем, не оставляя ей ни шанса вырасти и соблазнить тебя.— Ладно-ладно, Пятый старший брат обещает, что по-прежнему больше всех любит Сюань-эра, хорошо? — Чу Даньфэн нашел забавным то, как этот маленький пухляк ревнует, и потрепал его по макушке.

Хуа Тинсюань по-прежнему крепко сжимал в кулаке полу его одежды:

— Старший брат непременно пойдет туда?

Чу Даньфэну показалось очень весело дразнить ребенка, и он нарочно ответил:

— Непременно пойду.

Хуа Тинсюань помрачнел:

— ...Тогда я пойду со старшим братом.

Он не хотел позволять Чу Даньфэну видеться с Линь Шуэр наедине, даже несмотря на то, что Линь Шуэр сейчас была еще всего лишь младенцем.

Чу Даньфэн улыбнулся:

— Пойдем.

Вот видишь, ребенок есть ребенок: услышав о новом товарище, в душе он на самом деле все равно хочет с ним сблизиться.

Большой и маленький, каждый со своими мыслями, они двинулись по замощенной синим камнем тропинке в сторону Зеленой Хижины Мэн Цаньюй.

Перед Зеленой Хижинной раскинулась бамбуковая роща, а во дворе два-три слуги, заметив Чу Даньфэна, прекратили игры, но выказывать особого уважения не стали — лишь изда Ны кивнули в знак приветствия.

Чу Даньфэна это ничуть не задевало. В мире культивации почитают силу, особенно в такой крупной секте, как секта Двойного Полюса, которая еще больше ценит боевые возможности. Внутренний ученик, застрявший на стадии Основания Истинного Дыхания, по своему статусу порой уступает иным внешним ученикам; даже слуги умели заискивать перед сильными и

третировать слабых, поэтому никто не собирался идти внутрь, чтобы доложить о его приходе.

Впрочем, докладывать было и не нужно: в следующую же секунду из распахнутых дверей донесся голос Мэн Цаньюй:

— Даньфэн, Тинсюань, заходите. Чу Данфэн услышал это и почтительно ответил:

— Есть.

Однако Хуа Тинсюань отстал от него на несколько шагов и не стал сразу входить, а вместо этого направился к группе слуг.

Чу Данфэн совершенно не обратил внимания на мелкие проделки Хуа Тинсюаня. Едва переступив порог, он сразу же заметил Линь Шуэр.

Младшая соученица разительно отличалась от той девушки, что сохранилась в его памяти.

Воспоминания Чу Данфэна рисовали Линь Шуэр стройной и очаровательной юной девой, но сейчас малытке было всего года четыре-пять. На ней был стеганый распашной халатик гранатово-красного цвета, а на макушке красовались два маленьких пучка-шишечки. Она с увлечением сосала палец, но, внезапно увидев незнакомца, словно от застенчивости спряталась за спину Е Байлу.

Кто бы мог подумать, что вторая соученица уже успела так быстро сблизиться с малышкой.

Сегодня в Циньшаньцзю царило необычное оживление: за исключением четвёртого соученика Фан Цинъяя, который всё еще находился в затворе и залечивал раны, собрались все остальные соученики. И неудивительно — ведь она была ребёнком из клана дяди-главы и к тому же его последней ученицей, так что её приём, само собой, должен был оказаться куда пышнее, чем у Хуа Тинсюаня... Стоп, а где же Хуа Тинсюань?

Только тут Чу Данфэн заметил, что младший соученик не последовал за ним внутрь.

— Шуэр, поприветствуй пятого соученика, — как раз в этот момент подал голос Мэн Цаньюй.

Линь Шуэр всё ещё стеснялась. Е Байлу уговаривала её добрую половину дня, прежде чем девочка наконец выглянула из-за её спины и, переставляя ножки, семенящей походкой подошла к Чу Данфэну.

Все вокруг ожидали, что ребёнок в худшем случае робко пискнет «соученик» и снова убежит за спину Е Байлу, но малытка вдруг сладко улыбнулась Чу Данфэну, протянула маленькие пухлые ручки и нежным, медовым голоском произвела на свет:

— Пятый соученик, возьми на ручки!

Именно в этот момент Хуа Тинсюань вошёл в комнату.

От этой фразы — пятый соученик — у Чу Данфэна сердце растаяло.

А-а-а-а-а! Вот оно какое, счастье иметь дочку!

Неужели все девочки умеют так капризничать и ластиться?! И впрямь, кажется, они куда мягче и милее мальчишек.

Чу Данфэн присел на корточки, слегка нервничая и подсознательно чувствуя, что эта малышка будет куда более капризной, чем его собственный паршивец. Он осторожно раскинул руки, собираясь поднять девочку, как вдруг перед глазами мелькнула белая тень — и кроха в миниатюрной ученической одежде с размаху оттолкнул Линь Шуэр:

— Не смей трогать моего соученика!

Оттолкнутая Линь Шуэр громко завопила «уа!». Малышка, когда ластилась и просилась на ручки, казалась такой мягкой и сладкой, но кто бы мог подумать, что плачет она с таким грандиозным размахом — колокольчики, отгоняющие злых духов под карнизом, зазвенели в унисон с её криком.

У Чу Данфэна затылок заболел от тяжести в голове. Он испытал такую вину, будто это его собственный сынок натворил бед, и ему безумно захотелось прямо здесь стянуть с Хуа Тинсюаня штаны и как следует отшлепать по мягкому месту.

Чу Данфэн помрачнел:

— Как ты смеешь обижать младшую соученицу?

Но Хуа Тинсюань лишь надул губы и обиженно протянул:

— Маленький соученик врет! Ты же сам только что сказал, что даже если появилась младшая соученица, Тинсюаня ты любишь больше всех.

— ...

Боевой настрой Чу Данфэна мгновенно улетучился. Слова-то он такие говорил, спору нет, но...

Малышка рыдала так сильно, что уже начала икать. Чу Данфэн вновь напустил на себя строгий вид:

— Но нельзя же доводить девочку до слёз! Посмотри, как жалко плачет маленькая соученица.

Хуа Тинсюань:

— ...

Хуа Тинсюань крепко сжал губы, словно принимая какое-то эпохальное решение.

Чу Данфэн считал, что заставить ребёнка сказать «прости» — это тоже важнейшая часть воспитания, а потому мягко и настойчиво продолжил увещевать:

— Видишь, как сильно плачет маленькая Шуэр? Сердце кровью обливается, даже у соученика сердце болит. Если уж у соученика болит, то ты ведь её будущий муж, разве твоё сердце не должно болеть ещё сильнее? Живо иди извиняться перед младшей соученицей, умение утихомиривать девочек нужно прививать с пелёнок!

Хуа Тинсюань наконец принял окончательное решение, окинул взглядом окружающих старших соучеников и, словно пускаясь во все тяжкие, открыл рот...

Под полным надежды взглядом Чу Данфэна он тоже выдал оглушительное «уа!», причем его голос звучал ещё громче, чем у Линь Шуэр.

Чу Данфэн:

— ...?! Разве ты не должен был извиниться? Что это за фокусы!

Линь Шуэр тоже растерялась от такого поворота событий. Она захлопала круглыми глазами, ошеломленно уставившись на Хуа Тинсюаня, затем внезапно глубоко вдохнула и, соревнуясь с ним, издала пронзительный вопль, зарыдав ещё громче.

Вмиг в Циньшаньцзю один за другим зазвучали детские рыдания. Мэн Цанюй терпеть не мог шума, где уж ему стерпеть такой ор со стороны сопливых мандаринов — не прошло и половины палочки благовоний, как он взмахнул широким рукавом и в два счёта выставил всех учеников вон.

Когда Чу Данфэн, ведя за руку Хуа Тинсюаня, перешагнул порог двора, дежурившие у входа слуги дружно и глубоко поклонились ему. Такая почтительность изрядно его озадачила, но у Чу Данфэна не было времени гадать, с чего это они сначала держались с ним надменно, а теперь вдруг стали столь любезны: маленькая Шуэр неизвестно как ухитрилась вернуться обратно и упрямо протянула к нему маленькие ручки:

— На ручки!

Маленький Хуа Тинсюань заслонил собой своего соученика, и тон его был достаточно холодным, чтобы заморозить человека насмерть:

— Отойди.

Малышка снова расплакалась от испуга, но всё же храбро, сквозь слёзы, выговорила:

— Пятый соученик красивый, Шуэр любит пятого соученика!

Чу Данфэн:

—

Он никак не ожидал, что заветное «люблю», услышать которое он тщетно пытался всю свою прошлую жизнь, сейчас достанется ему без малейших усилий.

Правда, ценность этих слов была крайне низкой: на все сто процентов это была лишь попытка вредной девчонки позлить Хуа Тинсюаня.

К тому же признание в любви, произнесенное из уст сопливого карапуза, у которого от слёз надувались пузыри, начисто лишало момент хоть какого-то ощущения триумфа. Чу Данфэн подумал, что последнее зернышко былого «восхищения» Линь Шуэр растворилось и лопнуло вместе с тем самым сопливым пузырьком.

<http://bllate.org/book/20986/2130554>